

УДК 811.111'23

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.268

СМЫСЛОВОЕ РАЗВЁРТЫВАНИЕ НОМИНАЦИИ «СНЕГ» В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

А. М. Шагалов, О. В. Четверикова

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Концепт «Снег» является одним из базовых культурных концептов, что обуславливает частотность его художественной интерпретации в творчестве русских поэтов и писателей. В статье на примере анализа стихотворений из сборника А. Тарковского «Перед снегом» раскрыта специфика авторского осмысления данной культурной константы, описаны способы её языкового означивания. Особое внимание уделяется выявлению смыслового потенциала номинации «снег» в лирике поэта.

Ключевые слова: концепт, творческая языковая личность, художественный текст, номинация, смерть, снег, авторский смысл.

Если проанализировать основной корпус стихотворений А. Тарковского, то можно обнаружить, что лексема *снег* является одной из важных образных и смыслообразующих доминант в художественной модели мира поэта (встречается в более чем в сорока произведениях) и часто выступает средством означивания концепта «Смерть», создавая семантическое поле с негативной коннотацией. Так, в поэтическом сборнике «Перед снегом» номинация *снег* встречается в 15 стихотворениях. М. Тарковская, дочь поэта, в воспоминаниях подчёркивала символичность названия книги: «Автору в год её выхода исполнилось пятьдесят пять лет» [6, с. 316].

Заметим, что название сборника представлено словоформой «Перед снегом». А. Тарковского больше интересует не то, что будет *после*, а то, что было *до*: это попытка охватить взглядом прожитое, подведение итогов, когда ещё есть время, но его осталось очень мало. Таким образом, уже в самом названии сборника заложены базовые смысловые доминанты ‘затаённая тревога’, ‘ощущение надвигающейся опасности’ (в данном случае – прихода старости), ‘неотвратимость смерти’. Словом, соединяющим в себе все эти смыслы, становится в текстах сборника номинация *снег*.

В словаре встречаем следующее определение лексемы *снег*: «Атмосферные осадки – белые пушинки, хлопья, представляющие собой кристаллики льда, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю зимой» [2, с. 737; 8; 5]. Прямое значение номинации *снег* в русском языке сводится к пониманию его как «атмосферных осадков», ма-

© Шагалов А. М., Четверикова О. В., 2022

леньких «частиц» («кристалликов», «хлопьев»), имеющих «белый» цвет и «покрывающих» собою землю. В поэтической речи А. Тарковского лексема *снег* приобретает дополнительные смысловые коннотации, обусловленные вхождением данного слова в семантическое поле «Смерть», что отражает особенности индивидуального сознания поэта как творческой языковой личности, его ценностные ориентации, определяющие выбор знаков языка для экспликации своего замысла.

Обратимся к стихотворению «Чем пахнет снег» (стихотворения А. Тарковского в дальнейшем цитируются по изданию: [7]). Сюжетное, образное, смысловое и языковое развёртывание текста строится на антитезе, которая «усиливает эмоциональную окраску речи и подчёркивает высказываемую с её помощью мысль» [4, с. 18]. Стихотворение делится на две части, противопоставленные друг другу. В первой части (26 строк) описывается радостная суэта зимних праздников с «ряжеными в бумажных колпаках и шляпах». Ряды однородных членов («Факир, вампир, гусар с цыганкой, / Коза в тулупе вверх изнанкой, / С пеньковой бородой монах»), эллипсис глаголов («Усы наводят жжёной пробкой, / Румянец – свёклой; кто в очках, / Кто скалку схватит впопыхах – / И в двери, с полной коробкой / Огня бенгальского в руках») способствуют динамике повествования, маркируют быструю смену образов и картин, что придает происходящему некую «маскарадность».

Во второй части стихотворения (26 строк) поэт вспоминает о войне, госпитале, крови и смерти. Авторское тире в самом начале первой строки второй части («И – никого...») меняет тональность повествования. Читатель остается один на один с лирическим героем, а автор сосредоточивает внимание на внутренних переживаниях персонажа. Меняется и темп стихотворения, строение строф. Визуализация образов, их рельефность достигается А. Тарковским благодаря использованию повторов союзов *и*, *а*: «И – никого, и столбик ртути...<...> И только в марте потеплеет, / И, как на карте, запестреет, / Там косогор, там буерак, / А там лозняк, а там овраг». Введенные автором в текст языковые средства создают ощущение замедленности происходящего, заставляя сфокусироваться на деталях и глубинных переживаниях лирического героя.

Ключевая лексема *снег* встречается в стихотворении семь раз, в том числе и в названии, а также в трех однокоренных словоформах: *снегуркина* (шубёнка), *снежного* (пласта), *снеговые* (души). Читаем начальные строки стихотворения:

«Был первый снег как первый смех
И первые шаги ребёнка.
Глядишь – он выровнен, как мех,
На ёлках, на берёзах – снег, –
Чем не снегуркина шубёнка?»

В семантическое поле «Снег» входят следующие номинации и их ассоциативные признаки: *первый смех* (ребёнка), то есть чистый, искренний, беззлобный; приносящий радость; *первые шаги ребёнка* (неуверенные, робкие, слабые, но дарящие радость родителям), *выровненный мех на ёлках* (ровный, гладкий, аккуратный; приятный глазу), *снегуркина шубёнка* (красивый, нарядный, праздничный). Эмотивная доминанта начала стихотворения – радость. Одним из ключевых слов начала стихотворения является слово «первый». Первый снег – значит новый, чистый. Как видим, номинация *снег* в первой части текста имеет положительную эмоциональную окраску, её семантика не вступает в противоречие с весельем и радостью зимних праздников и никак не связана с концептом «Смерть». Зима ещё «по-праздничному хороша».

Семантика лексемы *снег* во второй части текста резко противопоставлена первой: снег лежит в виде сплошного снежного пласта (то есть снег твёрдый, тяжёлый, каменный), в нём вязнут ноги (липкий, вязкий, засасывающий, грязный), он пахнет бензином (резкий, едкий, ядовитый запах) и пахнет госпиталем, кровью (тошнотворный, неприятный): «И мы пойдем своим путем, Почуем запах госпитальный Сплошного снежного пласта...».

Запах в тексте А. Тарковского репрезентирован номинацией *запах*, предикатом *пахнуть* (встречается в стихотворении пять раз, в том числе и в названии произведения) и семантически примыкающим к ним глаголом *почуять*. Использование одоративной лексики служит средством контекстуально обусловленного приращения смысла номинации *снег*, и именно этот личностный авторский смысл позволяет считать лексему *снег* репрезентантом концепта СМЕРТЬ в данном стихотворении. Именно запахи пробуждают в лирическом герое воспоминания, заставляя снова и снова переживать события военных лет, и если в первой части стихотворения запах снега ассоциируется с «арбузным гоголевским запахом», то во второй части запахи становятся резкими, неприятными:

«Бензином пахнет снег у всех,
В любом краю, но в Подмосковье
Особенно, и пахнет кровью.
Остался этот запах с тех
Времён, когда сороковые
По снегу в гору свой доспех
Тащили годы чуть живые...».

И только в последней строфе лексема *снег* в составе атрибутивной конструкции с оценочным значением «возвращает» себе первоначальный смысл – ‘белый’, ‘чистый’. Это «души снеговые» убитых солдат: «Уходят души снеговые, / И остаётся вместо вех / Бензин, которым пахнет снег».

Заметим, что в названии произведения – «Чем пахнет снег» – отсутствует вопросительная интонация, нет и знака вопроса. Автор не спрашивает читателя, чем пахнет снег, ибо знает ответ и даёт его в конце стихотворения: снег пахнет бензином и кровью. Действительно, довольно странная реакция на всем знакомый «раздражитель», настолько необычная, что слово *снег* может претендовать на статус «знака авторства» А. Тарковского, выступая в качестве медиатора, средства доступа к смысловой сфере поэта, ибо эти индивидуальные ассоциации высвечивают особенности отражения художником слова реалий действительности. Глубокое понимание истинных «пружин», запустивших этот «механизм» необычных перцептивных реакций и авторских смыслов, невозможен без обращения к экстралингвистическим параметрам текста – к биографии А. Тарковского, обстоятельствам его жизни, так как «познание действительности есть, по сути, процесс порождения и трансформации личностного смысла индивидуальным сознанием, ищущим средства и способы объективизации в языке результатов этого познания» [11, с. 42–43]. 13 декабря 1943 года во время ночной передислокации войск А. Тарковский, корреспондент армейской газеты, тяжело ранен разрывной пулей под Городком Витебской области. Всю ночь он пролежал в снегу, потерял много крови. Нашли его только под утро, «далее – мучительная эпопея госпиталей, газовая гангрена, ряд операций, ампутация левой ноги» [9, с. 175]. Можно только догадываться, через какую боль, через какие страдания, физические и душевные, пришлось пройти А. Тарковскому в ту ночь, когда он лежал, тяжело раненный, на грязном снегу, пропитанном бензином и собственной кровью. Думал ли он о смерти? Очевидно. И не только о своей. Поэтому ассоциация снега у автора с бензином, кровью и госпиталем – это сугубо личная, индивидуальная ассоциация, отражающая особенности авторской концептосферы и маркирующая концепт «Смерть». Отметим, что стихотворение «Чем пахнет снег» написано в 1962 году, то есть через 20 лет. Следовательно, полученный страшный «опыт» был к этому времени уже осмыслен и от-refлексирован, но оставался незаживающей, постоянно напоминающей о себе раной.

Таким образом, в стихотворении «Чем пахнет снег» номинация *снег* и одоративная лексика являются средством языкового означивания концепта СМЕРТЬ. Лексема *снег* связывается говорящим с запахом бензина, госпиталя и крови (*снег – бензин – госпиталь – запах крови – кровь – смерть*), что обусловлено индивидуальной реакцией авторского сознания на определённые жизненные обстоятельства и внешние раздражители. Для усиления обозначенной позиции и ещё большего её выделения поэтом используется приём антитезы на всех уровнях построения текста.

В. Филимонов назвал А. Тарковского в вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книге «человеком уходящего лета», отмечая, что «лирический герой Тарковского – человек лета, живущий трепетным предчувствием угроз зимы» [Там же, с. 10]. Е. Верещагина писала, «что зима и холод у Тарковского устойчиво соотносятся с опасностью, гибелью...» [Там же], а «по наблюдениям И. Винокуровой, само слово “ледяной” в контексте книги Тарковского “Зимний день” означает “смертельный”» [Там же, с. 10–11]. Таким образом, снег, стужа, мороз, зима, холод ассоциируются у поэта со смертью, что вполне соответствует ментальности русского человека, а также с кровью и болью, что является проявлением индивидуальных ассоциаций, связанных со «значашим» переживанием поэта.

Обратимся к стихотворению А. Тарковского «Полевой госпиталь». Лирический герой тяжело ранен и находится на грани жизни и смерти. Чтобы описать бред больного и пограничное состояние его психики, автор прибегает к белому стиху, лишая тем самым читателя возможности предугадывать следующую рифму и заставляя его фокусировать внимание на содержании и языке текста. Поэт, следуя своему замыслу, использует прием инверсии (*видел я, снег сошёл, платком зелёным*), актуализирует несовпадение синтаксического и ритмического членения речи на протяжении всего стихотворения:

«В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, чёрных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.
В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластах пара».

Сам лирический герой почти мёртв, почти «овеществлён», что означено в тексте сравнительной конструкцией с ключевым словом «мясо»: «Стол повернули к свету. Я лежал / Вниз головой, как мясо на весах, Душа моя на нитке колотилась...». Цветовая гамма текста резко разграничена на светлую и тёмную, что является символом борьбы жизни и смерти: «белый», «яркий», «слепающий» (свет); «зелёный» (весна); «красный» (мясо, кровь), «чёрный» (жирная гиря), грязно-коричневый («И марля, как древесная кора...» – запёкшиеся от крови, сохшиеся бинты на ране).

Отметим, что у А. Тарковского слова *снег* и *снежный*, хотя и содержат сему 'белый', имеют в стихотворении негативную коннотацию и

коррелируют в смысловом отношении со словом «кровь» («...я лежал в позоре, в наготе, / В крови своей...») и с номинацией *щит*. Вспоминается известный фразеологизм «Со щитом или на щите»; это отсылка автора к его любимой Древней Греции: лирического героя, подобно древнему воину-спартанцу, несут с поля боя на щите, который затем превращается в операционный стол, а потом в белую больничную постель: «Это было / Посередине снежного щита; Но сдвинулся и на оси пошёл / По кругу щит слепительного цвета». Побеждает светлая цветовая гамма. Символом выздоровления, жизни становится у поэта растаявший снег, актуализирующий смыслы ‘весна’, ‘возвращение к жизни’: «И снег сошёл, и ранняя весна / На цыпочки привстала и деревья / Окутала своим платком зелёным».

Таким образом, в стихотворении «Полевой госпиталь» номинация *снег* связана прежде всего с оттенками белого (*снежный, слепительный*), а через них – с номинациями «щит» (как смертное ложе), «стол» (операционный), больничная постель. В тексте цветообозначение «белый» (снег) служит неким фоном для «красного» (кровь), ибо позволяет рельефнее и контрастнее показать «красное» на «белом» («кровь на снегу»). Основной эмотивной доминантой стихотворения является мотив боли.

В стихотворении «Портной из Львова, перелицовка и починка (Октябрь 1941)», написанном в 1947 году, смысловое развертывание номинации *снег* осуществляется на фоне языковой объективации модусов чувственного восприятия – запаха (как и в «Полевом госпитале») и вкуса:

«Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнём,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смерти, тлена
У него на языке».

Однако в этом тексте чуда спасения героя не происходит: снег тает – и след человека зарастает полынью и исчезает навеки: «Снег растает в чистом поле. / Порастёт полынью след».

Снег ассоциативно связывается с кровью и с запахом крови в стихотворении 1960 года «Песня под пулями» («У русской песни есть обычай / По капле брать у крови в долг»), где обречёнными смертниками называются и волхв, и волк, стоящие «где-то рядом / В текучем словаре земли (Снег, как на бойне, пахнет сладко)». В нескольких стихотворениях номинация *снег* используется в значении ‘то, что покрывает, накрывает собой’, рождая ассоциации с могильным саваном, которым накрывают умершего: «Под этим снегом трупы ещё лежат вокруг, / И в воздухе морозном остались взмахи рук» («Стоял батарея за этим вот холмом...»),

1942); упавшая под снег и оставшаяся под ним ракета осмысливается как упавшая под копыта и потоптанная, истерзанная земля, Россия:

«Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракета,
Ложилась мать Россия
Под конские копыта»

(«Мы шли босые, злые...», 1958).

Под «саваном» снега лежат упавшие листья в стихотворении «Деревья»: «А листья – пусть лежат они / Под снегом, ржавчина природы». Эта ржавчина природы напоминает «тление, разложение» человеческого тела. Чтобы подчеркнуть общность судьбы дерева и человека, которые рано или поздно будут укрыты «снегом», то есть умрут, автор в отношении деревьев использует преимущественно антропоморфные метафоры: *как войны стройны; С их плеч, когда зима придёт, / Слетит убранство золотое.*

В стихотворении «Зуммер» (1961) солдат «расстрелянным телом» прикрывает сигнальное устройство, и номинация *снег* обретает значение ‘последняя колыбель’: «На снегу в затвердевшей шинели, / Кулаки к подбородку прижав, / Он лежит, как дитя в колыбели, / Правотой несравненною прав».

В произведении «Юродивый в 1918 году» (1957) номинация *снег* является компонентом атрибутивной конструкции с характеризующим значением: «За квелую душу и мёртвое царское тело / Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой, / Ногами стучит на раскольников хрустком снегу». Лексема *снег* в контексте данного стихотворения близка к значению слова *земля*. Земля всё стерпит и всё перенесёт: и парад перед Зимним, и Ленский расстрел. В название стихотворения вынесена дата – 1918 год. Это время новой смуты в России, которая ассоциируется в тексте с эпохой Смутного времени.

В цикле стихотворений «Чистопольская тетрадь» (1941) номинация *снег* имеет следующие значения: а) ‘пустота’, ‘голод’ («Скупишься, мать, дала бы хлеба, что ли, / Полны ядрёным снегом закрома»), но, кроме снега, есть нечего, и герою остаются только тяжкая сума да полпуда горя и ломоть недоли) (IV. «Беженец»); б) ‘забвение’: *Диким снегом замечает путь* (VI. «Смерть на всё накладывает руку...»); в) ‘боль’; г) ‘смерть’ (почти вся лексика текста маркирует эти смыслы, а Господь предстаёт как карающая сила: «Стыну я под дыханьем Твоим. / Ты людскую мою беззащитную плоть / Рассекаешь мечом ледяным. / Выужный ангел мне молотом пальцы дробит <...> И снегами заносит меня» («VII. «Нестерпимо во гневе караешь, Господь...»)); д) ‘смертный одр’: «Упала, задохнулась на бегу, / Огнём горит твой город златоглавый, – / А всё платочек комкаешь кровавый, / Всё маешься, недужная, в снегу» (VIII. «Упала, задохнулась на бегу...»)).

В стихотворении «Могила поэта» (1958–1959 годы), посвящённом памяти Н.А. Заболоцкого, номинация *снег* проходит три стадии развития: от следов, ненадолго оставленных живыми в снегу, до могилы в белой шапке, а затем вообще чего-то грандиозного в небе, напоминающего саркофаг, – снежного ковчега:

«Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них.
Туда, к распахнутым воротам,
Где ты не прах, не человек,
И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег».

Интересны с точки зрения анализа авторские смыслы, связанные с номинацией *снег* в произведении «Над чёрно-сизой ямою...» (1958):

«Над чёрно-сизой ямою
И жухлым снегом в яме
Заплакала душа моя
Прощальными слезами».

Первая строка текста задаёт общую направленность стихотворения: это прощание, похороны, что подтверждается вводом в текст предиката *заплакала* (плакать над могилой умершего), атрибутивной конструкции *прощальными слезами*. Чёрно-сизая яма – ассоциации «чёрная пасть», «могила»; к слову «яма» семантически примыкает выражение *расхристанные раны* – яма сравнивается с ранами земли. Всё стихотворение пронизано мотивом прощания:

«Прощай, жите московское,
Где ты любить училась, <«ты» – душа>
Петровско-Разумовское,
Прощайте, ваша милость!

Истцы, купцы, повытчики,
И что в вас было б толку,
Когда б не снег на ситчике,
Накинутом на чёлку».

Эти образы ушедшей жизни, несмотря на прощание с ними, – единственные яркие образы в тексте и примыкающие к ним строки: «Эх, маков цвет, мещанское / Житьишко за заставой!» Этот «маков цвет», это «житьишко за заставой», эти истцы, купцы, повытчики, этот снег на ситчике удивительно напоминают по цветовому колориту и образному ряду картины Б.М. Кустодиева.

Заметим, что на дне ямы находится «жухлый снег»; создается впечатление, что хоронят при новом строительстве не только прежде стоявшие здесь дома, прежний уклад жизни, но и прежние воспоминания: в том числе и снег – тот снег, который в детстве героя был просто снегом и вызывал радостные и светлые чувства, но восприятие которого позже в сознании автора и в созданных им художественных текстах навсегда изменится. Думается, что номинация *снег* в данном контексте имеет смысловое приращение – ‘прощание со старым миром’.

Проанализировав особенности смыслового развертывания номинации *снег* в поэтических текстах А. Тарковского разных лет, мы установили у данной лексемы следующие контекстуальные значения, появление которых обусловлено особенностями смысловой сферы автора, его мировидением и ценностными ориентациями: 1) смерть; 2) боль; 3) кровь (запах крови); 4) бензин (запах бензина); 5) госпиталь (запах госпиталя); 6) огонь (запах горелого); 7) стол (операционный); 8) постель (больничная); 9) смертный одр; 10) саван (покрывало); 11) могила (саркофаг, ковчег); 12) прощание; 13) пустота; 14) голод; 15) холод; 16) забвение. В ряде текстов заметно противопоставление цветов «белый – красный» (то есть «снег – кровь»). Все эти значения через номинацию *снег* маркируют в поэтической речи А. Тарковского концепт СМЕРТЬ. На наш взгляд, наиболее частотным актуализатором индивидуально-авторских ассоциаций выступает корреляция «снег – кровь – запах крови» и оппозиция или смешение «белого» и «красного» цветов.

В. Е. Хализев отмечал: имея дело с художественным произведением, мы имеем дело с сознанием творческой языковой личности, которое преломляется в созданных ею художественных текстах с индивидуальными, только ей, этой личности, присущими особенностями. В лирике как особом роде литературы «на первом плане единичные состояния человеческого сознания: эмоционально окрашенные размышления, волевые импульсы, впечатления, внерациональные ощущения и устремления» [10, с. 346]. Лирика – это квинтэссенция сознания человека, его взглядов, чувств, его духовного мира и ментальной культуры. В поэтической речи вся система языковых средств «всецело подчиняется раскрытию цельного движения человеческой души» [Там же, с. 347]. Следовательно, через анализ языка художественного текста мы можем прийти к пониманию смысловой сферы автора, замысла творческой языковой личности.

А. Тарковский по духу являлся наследником Серебряного века. Он был чуток и к форме стиха (означающему), и к смыслу (означаемому), наполняя привычные слова новым и неожиданным содержанием. Не об этом ли писала Анна Ахматова в рецензии на книгу А. Тарковского «Перед снегом»? «Эти долго ожидавшие своего появления стихи поражают

рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облечёнными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце» [1, с. 261–262].

А. Тарковский предельно откровенен в своих стихах. Именно как «душевные раны» можно воспринимать его лирику. В одном из интервью поэт произнёс слова, которые довольно точно передают его понимание поэзии и творчества в целом: «Поэзия, когда она осуществлена, – это стигматы человеческого духа» [3, с. 7].

Список литературы

1. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Москва: Эллис Лак, 2000. 800 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ИТИ Технологии, 2007. 944 с.
3. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин; Киев: Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
4. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва: Просвещение, 1974. 509 с.
5. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Москва: Русский язык, 1983. 688 с.
6. Тарковская М. А. Осколки зеркала. Москва: Вагриус, 2006. 416 с.
7. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Москва: Худож. лит., 1991. 462 с.
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.
9. Филимонов В. П. Арсений Тарковский: Человек уходящего лета. Москва: Молодая гвардия, 2015. 420 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. Москва: Высшая школа, 2002. 437 с.
11. Четверикова О. В. Авторское мировидение и смысловое поле художественного текста: монография / Армавирский гос. пед. ун-т. Армавир, 2009. 196 с.

SEMANTIC DEPLOYMENT OF THE NOMINATION “SNOW” IN THE LYRICS OF ARSENIY TARKOVSKY

A. M. Shagalov, O. V. Chetverikova

Armavir State Pedagogical University, Armavir

The concept of SNOW is one of the basic cultural concepts, which determines the frequency of its artistic interpretation in the works of Russian poets and writers. Using the example of the analysis of poems from A. Tarkovsky’s collection “Before the Snow”, the article reveals the specifics of the author’s un-

derstanding of this cultural constant, describes the ways of its linguistic signification. Special attention is paid to identifying the semantic potential of the nomination “snow” in the poet’s lyrics.

Keywords: *concept, creative linguistic personality, artistic text, nomination, death, snow, author’s meaning.*

Об авторах:

ШАГАЛОВ Александр Михайлович – аспирант кафедры иностранных языков и методики их преподавания Армавирского государственного педагогического университета (352900, г. Армавир, ул. Чичерина, 130), e-mail: a.m.shagalov@mail.ru.

ЧЕТВЕРИКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики Армавирского государственного педагогического университета (352900, г. Армавир, ул. Чичерина, 130), e-mail: chetverikova_o@mail.ru.

About the authors:

SHAGALOV Aleksandr Mikhailovich – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages and Teaching Methods, Armavir State Pedagogical University (352900, Armavir, Chicherin str., 130), e-mail: a.m.shagalov@mail.ru.

CHETVERIKOVA Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University (352900, Armavir, Chicherin str., 130), e-mail: chetverikova_o@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.06.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.